

Е. А. Ерохина

Роль финала в контексте философско-этической проблематики повестей И. С. Тургенева

В статье анализируются финалы (чаще всего это эпилоги) некоторых повестей И. С. Тургенева 1840–1870-х годов в контексте философско-этической проблематики, которая была в центре внимания на протяжении всего творческого пути писателя. Финалы показывают своеобразный итог жизненных исканий героев. Зачастую этим итогом становится взгляд в прошлое из настоящего времени и переоценка событий, произошедших некогда с героями, и, как следствие, переоценка ценностей. Важное место отводится трем категориям: природа – вера – общество. Сквозь эту парадигму рассматриваются варианты бытования тургеневских героев. Исследования системы персонажей малой прозы писателя позволяют выделить два типа героев: гармоничную природную личность и болезненно-рефлектирующего героя. В повестях данного периода чаще представлен именно второй тип. Важным оказывается мировидение персонажа, его способы проживать жизнь. Тургенев показывает несколько возможных вариантов бытия человека: природный, религиозный и социальный. Все три пути находят отражение в описании заключительного периода жизни того или иного героя как некоего итога его внешнего (физического) и внутреннего (морального) существования и жизненных исканий. В статье предпринимается попытка проанализировать эти пути на конкретных примерах.

Ключевые слова: эпилог, функция, финал, философская этика, проблематика, повесть, И. С. Тургенев.

Для цитирования: Ерохина Е. А. Роль финала в контексте философско-этической проблематики повестей И. С. Тургенева // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 31–43. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_31. EDN: JRCJXA

В мировой литературе И. С. Тургенев заслуженно занимает почетное место писателя, в художественной картине мира которого особое значение имеет философская составляющая, онтологический контекст. До сих пор парадоксальным кажется тот факт, что личность и творчество Тургенева так мало изучены историками философии. На это указывает то, что в справочниках по философии

мы крайне редко встретим фамилию Тургенева, в то время как некоторых писателей менее значительных – практически всегда. А ведь именно Тургенев получил классическое философское образование в Германии [10–11].

Многие исследователи, начиная с современников писателя, отмечали необычайное внимание Тургенева к вопросам устройства мира и к месту человека в этом мире. В настоящее время интерес к этой теме не угасает. И даже наоборот. В последнее время наблюдается тенденция рассматривать проблемы творчества Тургенева именно с философской точки зрения. Из современных работ особо хочется отметить исследования Г. А. Тиме [10–11], монографию В. М. Головки [4], в которой исследователь с уверенностью заявляет и блестяще доказывает, что «великий писатель-классик в пространстве культуры последующих эпох оставался и сегодня остается столь же актуальным, как и в то время, когда протекала его литературная деятельность» [4, с. 12]. Также большой интерес к философскому аспекту творчества писателя проявлен в коллективном труде 2021 года «Тургенев: на перекрестке эпох и культур» [12].

И даже сейчас, несмотря на многомерность и разноплановость интерпретаций взглядов и художественных принципов творчества Тургенева, некоторые исследователи, по словам В. М. Головки, эстетику Тургенева «готовы свести к “социальному реализму”, а “социальности” присвоить статус “сверхистины”, упрощая представление о художественной философии и человековедении писателя» [4, с. 7]. Мы же, вслед за М. М. Бахтиным, Б. Т. Удодовым, В. М. Головки и другими будем исходить из принципа внутренней диалогичности классической литературы, частью которой без каких-либо сомнений является творчество И. С. Тургенева, в том числе и его замечательная малая проза – повести и рассказы.

Материалы и методы

Конечно, философский аспект в произведениях И. С. Тургенева – объемная тема для исследователей творчества писателя, требующая глубоких специальных знаний. В рамках этого исследования обратим внимание на некоторые, возможно, и незначительные с научной точки зрения, и тем не менее

кажущиеся чрезвычайно интересными индивидуальные особенности стиля и поэтики Тургенева. Речь идет о способах организации финалов повестей писателя и особенно о роли этих финалов в контексте философско-этической проблематики.

Материалом исследования являются повести И. С. Тургенева 1840–70-х гг., в составе которых есть эпилог. В большинстве этих повестей эпилог идет вкуче с другим структурно-семантическим элементом – прологом. Вместе они составляют своеобразную композиционную (и не только) раму произведения, обрамляют текст основной части, дополняя и углубляя смыслы, идеи и образы повестей. Отметим, что проведенные нами ранее исследования показали, что более половины повестей И. С. Тургенева имеют в своей структуре пролог и/или эпилог. Это свидетельствует о системности и закономерности включения данных компонентов в произведения писателя на всех этапах его художественной деятельности.

Результаты

Под философской этикой обычно понимается «поведение человека в той мере, в какой оно зависит от него самого и поддается интеллектуально ответственному контролю, исследует и конструирует его совершенные формы. Если в своей гносеологической части философия имеет дело со сферой необходимости и отвечает на вопрос о том, что представляет собой мир сам по себе в его собственных основах, то в своей этической части она имеет дело с областью свободы и говорит о том, что должен делать человек, чтобы его жизнь сложилась наилучшим образом (курсив здесь и далее наш. – Е. Е.). Более того, она является родом познания именно в качестве образа жизни. Она сама есть моральная практика» [20, с. 11]. Таким образом, философская этика ставит перед человеком задачи как личного порядка, так и общественного, политического, даже исторического. Вопрос в том, как эти задачи будут соотноситься в человеческом сознании и выражаться в его поступках: что первостепенно? какие пути приведут к этому «наилучшим образом»?

Опираясь на некоторые ведущие принципы художественно-философской антропологии, нашедшие свое отражение в твор-

честве Тургенева, постараемся изучить «способы бытования философских смыслов» [4, с. 10] в повестях писателя, уделяя особое внимание их финалам. Взгляд наш будет направлен традиционно на три категории: *природа – вера – общество*.

Взгляды Тургенева в ипостасях «природа – вера – общество», как считает Г. А. Тиме, связаны с вопросом о человеческой индивидуальности и её «неистребимости». Пути её преодоления, по мнению исследовательницы, следующие: «1) природный (признать себя частью природы, точнее, обычным представителем рода); 2) религиозный (истребить своё Я молитвой, аскезой, ибо быть похожим на всех и каждого – значит, походить на Христа); 3) социальный (растворить своё Я в общественном сознании: стать “безымянным” или “серым”）」 [11, с. 164].

На протяжении всего творчества Тургенева тема *природы* играет, без сомнений, ведущую роль. Природа выступает «как символ гармонии и цельности, которым противостоит и к которым стремится рефлектирующий индивидуум» [11, с. 75]. Г. А. Тиме выделяет два типа тургеневских героев: «цельная природная натура (гармония как данность)» (по терминологии Шиллера, идеями которого в свое время был увлечен Тургенев, – «наивный» герой) и «герой с болезненно-разорванным сознанием, рефлектирующий (гармония как возможная цель)» [11, с. 75]. Исследователь М. Гершензон рассуждает по этому поводу: «Понять философию Тургенева <...> нельзя иначе, как сведя её всю к одному вопросу и ответу на этот вопрос: должен ли человек быть «природою» или личностью?» [3, с. 111].

«Наивный» тип человеческого бытия характерен в основном для ранних повестей Тургенева 1840–1850-х годов. Обычно такой герой без каких-либо альтернатив обречен на примитивное существование в реальной жизни. И даже Петушков из одноименной повести, внутренний мир которого предельно ограничен, не имеет выбора – «либо идеализм и одиночество, либо реальность и пошлость» [11, с. 89]. Герой не в состоянии вынести мук разлуки с Василисой и поэтому в эпилоге повести мы видим «человека худенького, с красеньким носиком, одетого в старый зеленый сюртучок с плюсовым засаленным воротником» [15, с. 165]. Петушков

оказывается приживалой в доме возлюбленной, «занимая небольшой чуланчик в булочной» [15, с. 165]. Наивность, безволие, слабость граничат с мелкой пошлостью, впрочем, герой вызывает у читателя, скорее, жалость, чем отвращение. Примечательно, что убежать от своей реальности Петушков пытается все теми же низменными способами: «За человеком в зеленом сюртучке водилась одна слабость: любил выпить, впрочем вел себя смирно» [15, с. 165].

Следует также обратить внимание на то, что «наивные» герои часто сравниваются Тургеневым с детьми. Так, в первых же строках повести читаем про Петушкова: «Вся жизнь Петушкова прошла чрезвычайно однообразно; под сорок лет он был еще молод и неопытен, как ребенок» [15, с. 124]. Смотрим дальше: «Ивана Афанасьевича разобрала сильная досада. В недоуменье отошел он на другую сторону улицы и предался весь, как дитя, своему неудовольствию» [15, с. 125]. На следующий день поход в булочную заканчивается следующим образом: «Иван Афанасьич постоял некоторое время под окошком, прошел по улице раза два, заглянул на двор и, наконец, устыдясь своего ребячества, вернулся домой с булкой в руке» [15, с. 126]. Одна из размолвок Петушкова и Василисы заканчивается фразой: «Засмеялась, душа, засмеялась! – закричал Петушков и запрыгал на месте, как ребенок...» [15, с. 142]. При встрече с Василисой на улице герой идет «семеня ножками» (См. об этом: [5]). Так обычно говорят о маленьких детях, которые учатся ходить. Подобное сравнение вполне объяснимо. Ребенок не берет ответственность за свою жизнь и за события, которые с ним происходят, за ребенка обычно решают взрослые. Опять же возникает противоречие: Петушков, выбирая реальность, в действительности не принимает никакие решения. Эта мысль подтверждается и другими примерами из текста. Так, Тургенев пишет, что люди, подобные Петушкову, осуждены «судьбою на жизнь одинокую и невеселую» [15, с. 124].

Мотив уничтожения, одичания человека проходит через весь текст, но в финале доведен до предела. Конечно, даже при «знакомстве» с Петушковым читатель вряд ли может отнести героя к «хозяевам жизни»: «взгляд робкий», жил «однообразно», «знакомых дичился», был «весьма кротким».

Даже слуга Онисим позволяет высказываться о хозяине в его же присутствии резко и фамильярно: «Какой вы господин? Вы, сударь, просто мокрая курица, Иван Афанасьич, помилуйте» [15, с. 128]. Однако в эпилоге повести Петушков доведен до предела во всех отношениях: социальном (общественном), моральном, даже физическом. В описании героя и его образа жизни автор использует исключительно слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «худенький», «с красненьким носиком», одетый в «сюртучок», занимал «небольшой чуланчик». Создается ощущение, что герой стремится уменьшиться, раствориться, исчезнуть. К слову, героев, стремящихся «самоуничтожиться», мы встречаем и во многих других повестях писателя. Так, герой повести «Дневник лишнего человека» (1849) Чулкатурин прямо заявляет перед смертью: «Уничтожаясь, я перестану быть лишним» [14, с. 215]. По словам Г. А. Тиме, «неизменным в тургеневской концепции остаётся одно: желание освободиться от страдающего рефлектирующего Я – либо путём признания безусловной ценности бесконечного (умерщвление плоти), либо же, наоборот, отказа от метафизической (бесконечной) сущности человека, утверждения его лишь как земного, конечного явления» [10, с. 37]. Это может быть, подобно Петушкову, незавидное существование «опустившихся» людей. Например, про жену главного героя Акима из «Постоялого двора» Тургенев пишет в эпилоге: «Авдотья живет по-прежнему на женской половине у Лизаветы Прохоровны, но опустилась еще несколькими ступенями ниже, одевается очень бедно, почти грязно, и от столичных замашек модной горничной, от привычек зажиточной дворничихи не осталось уже в ней и следа... Ее никто не замечает, и она сама рада, что ее не замечают» [16, с. 320].

Но не всегда понятие земного счастья соотносится у Тургенева с «уничтожением личности» и характеризуется как «пошлость». Для писателя имело место быть определение счастья как стремления к природной гармонии (Шиллер, Гете). Так, брак Верочки и Крупицына в эпилоге повести «Два приятеля» оказывается счастливым: «Петр Васильевич, его жена, все его домашние проводят время очень однообразно – мирно и тихо; они наслаждаются счастьем, ... потому что на земле другого

счастья нет» [13, с. 379]. Из последнего рассуждения автора (а оно принадлежит именно ему) становится ясно, что счастье заключается в спокойной семейной жизни, пусть она и выглядит иногда недостаточно яркой. Значение слова «однообразно» в данном случае равнозначно словам «мирно» и «тихо» и не включает в себе негативных коннотаций.

Философские воззрения Тургенева на протяжении всей его жизни и всего творчества неизбежно соприкасались с вопросами религии. И дело здесь было не только в образовании писателя, в его увлечении Гегелем, Шеллингом, Фейербахом и др. (хотя и это, несомненно, тоже), но в самой российской действительности 1840–1860-х годов и в развитии философской мысли. Речь, конечно же, идет о славянофилах и западниках.

В известном смысле Тургенев был западником, и в то же время «естественным образом впитал в себя особенности развития оригинальной русской мысли» [11, с. 67] и «исконных русских понятий, коренящихся, как правило, всё-таки в православном христианском сознании» [11, с. 67].

Популярное в то время утверждение Гегеля: «Когда говорят: Бог есть всё это, например, эта бумага и т. п., то это и есть пантеизм ...» [2; с. 278–279], – было далеким от тургеневского понимания веры. Для писателя чуждо видение любой вещи или явления действительности как части мировой идеи (Бога во всем). Как писал А. Б. Муратов в статье «О философских взглядах И. С. Тургенева», «в центре размышлений писателя все время оказывается индивидуальное сознание, которое тщится решить вопросы о высших причинах и значении жизни и, конечно же, не находит ответа, а поэтому сосредоточивается на ее конкретных бытовых проявлениях» [9; с. 76–77].

Религиозный путь преодоления своего личностного Я выбирает главный герой повести «Постоялый двор» Аким. Потеряв дом, жену, все сбережения и чуть не оказавшись под судом за попытку поджога, Аким отправляется странствовать по святым местам: «...езде, куда только стекаются богомольные русские люди, можно было увидеть его исхудавшее и постаревшее, но всё еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме; везде бывал он...» [16; с. 318–319].

Образ Акима в эпилоге приобретает в какой-то степени обобщенно-символическое значение и является олицетворением многоликой толпы набожных странников. Обобщающий смысл этого образа усиливается формой «вы»-повествования, т. е. обращением автора к читателю как участнику событий, встречающему ежедневно десятки, сотни других Акимов. Как пишет исследовательница И. А. Беляева, анализируя структуру финалов романов И. С. Тургенева, в дальнейшем мотив «бесприютного скитальчества», окажется «сложным символическим аккордом» тургеневского текста и обнаружит «разные горизонты понимания и интерпретации читателем всего текста», обнажая «неразрешимую широту» [1, с. 27].

Примерами третьего пути преодоления индивидуальности – социального – могут служить герои поздней повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874). Эта повесть отличается от произведений Тургенева конца 1860 – начала 1870-х годов выбором нового типа главного героя – «“полезного” общественного деятеля» [19, с. 435], разночинца «на европейский манер» [8, с. 408].

Многочисленные отзывы, появившиеся после публикации повести, были весьма противоречивыми. Исследовательница М. А. Турьян в статье «“Пунин и Бабурин” в ряду поздних произведений Тургенева» обосновывает отрицательную оценку героя «в высшей степени странным» и идущим «вразрез с внутренней логикой образа» [18, с. 152] финалом повести, где герой, протестующий против крепостного права и произвола помещиков, в конце жизни с восторгом принимает реформу 1861 года и произносит здравницу в честь царя-освободителя.

По мнению же В. М. Головки, в финальной, четвертой, главе повести Бабурин воспринимает манифест 19 февраля как первый шаг к социальному преобразованию в стране, «в котором уже можно усматривать начало сближения естественного и “установленного” законов» [4, с. 98]: «Нет на Руси более рабов!» [7, с. 59]. Таким образом, финальная глава раскрывает последний этап идейной эволюции персонажа: попытку создания концепции социальной справедливости, а также его стремление к философско-этическому обоснованию своей активной гражданской позиции.

Темы и типы героев в повести «Пунин и Бабурин» новы, а вот принципы организации текста остаются прежними.

В повести есть пролог и эпилог. Именно здесь, в финале повести, еще ярке прослеживается идея «социальной собранности». «Хоровое начало» «безымянной Руси» [11, с. 153], бескорыстное служение идее народного освобождения – вот к чему приходит (а может быть, возвращается) Тургенев в поздний период своего творчества. Г. А. Тиме видит в этом стремление миновать «индивидуализм свободного западного сознания» [11, с. 156]. По сути, многие герои «нового типа» у Тургенева – в данном случае Муза Павловна – несчастливы в любви. Понятия «личного» и «общественного» в этих людях расходятся, и второе чаще всего вытесняет первое. Даже сама потребность в личном счастье проявляется через общественное, политическое. В результате в эпилоге повести мы видим, что яркая, насыщенная жизнь утратила для Музы Павловны свое значение, осталось только «дело». По воспоминаниям современников, Тургенев говорил: «Ах, с каким удовольствием я изобразил бы “безымянного человека”, это полное отречение от себя и от всего, чем люди дорожат и во все века дорожили. Правда, только русский человек может выдумать и быть способным на такую штуку» [6, с. 240]. Г. А. Тиме приходит к выводу, что «здесь нельзя не заметить аналогии со стремлением слиться с сознанием природным, с самой Природой, роль которых в данном случае как будто выполняет идея общественная, само общество, устремлённое к нравственному идеалу» [11; с. 153–154].

В повести «Пунин и Бабурин» Тургенев остается верен и другому приему организации структуры текста – форме «рассказ в рассказе». И здесь далеко не последнюю роль играет образ самого рассказчика – Петра Петровича Б. В его образе также находят отражение не только одна из возможных политических позиций того времени, но и мысли самого автора. В целом очевидно, что активная общественная позиция близка позднему Тургеневу.

Обсуждение и выводы

Несомненным остается тот факт, что в повестях Тургенева, как и в любой другой части его творчества, нашли отражение философские искания писателя. Используя в большинстве текстов своей малой прозы определенные

повторяющиеся элементы и приемы поэтики (наличие пролога/эпилога, ретроспективный характер изложения, форму «рассказ в рассказе» и др.), художник достиг художественного совершенства в этом жанре. Особое значение Тургенев отводит финалам своих произведений, показывая своеобразный итог жизненных исканий своих героев. Зачастую этим итогом становится взгляд в прошлое из настоящего времени и переоценка событий, произошедших некогда с героями, и, как следствие, переоценка ценностей.

Мотивы, неразрывно связанные с философско-этическими воззрениями самого Тургенева, нашли отражение в частных историях, описанных в повестях. Это темы счастья и его хрупкости, трагической и поработавшей силы любви, скоротечности и беспечности молодости и т. д. При всем этом Тургенев, как выразилась Г. М. Ребель, «не приемлет философствование внутри художества как таковое, более того, он вообще не верит в способность какой бы то ни было умозрительной системы удовлетворительно ответить на насущные вопросы бытия и тем более стать однозначным жизненным ориентиром»¹. Именно поэтому мы не найдем у писателя нарочито поучающих текстов, навязывания позиции по тому или иному вопросу, особенно, если это вопросы бытия, так как они по природе своей неразрешимы. Тургенев лишь подталкивает читателя к размышлениям о сущности вещей.

Конечно, возможности жанра повести были весьма ограниченными для личности такого масштаба, как Тургенев. Часто искания писателя «оставались в рамках частных и почти отвлеченных категорий, несмотря на реальное содержание изображаемого» [10, с. 53]. Более конкретную основу сложное философское мировоззрение Тургенева получило в его романах, где стремление выйти в «сферу всеобщего» [7, с. 53] происходило уже совершенно на другом уровне.

¹ Ребель Г. М. «Бьющаяся в плену мысль – печальное зрелище!»: Философия в оценках и в творчестве И. С. Тургенева // Филолог. Пермь: Пермский государственный педагогический университет. 2010. Вып. 10. Электронный ресурс. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_195 (дата обращения 05.05.2023).

Список литературы

1. Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // *Филологический класс*. – 2018. – № 3 (53). – С. 25–32. EDN: YMRALJ
2. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*: В 2-х т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 531 с. EDN: SIOLQH
3. Гершензон М. О. *Мечта и мысль Тургенева*. – М.: Книгоиздательство писателей, 1919. – 169 с.
4. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. – М.: Флинта, 2018. – 344 с. EDN: OUQOYZ
5. Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н. *Комментарии: И. С. Тургенев. Петушков* // *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 582.
6. И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Ред и введ. Н. К. Пиксанова. – М.; Л.: Academia, 1930. – 338 с.
7. Курляндская Г. Б. *Структура повести и романа И. С. Тургенева 1850-х годов*. – Тула: Приокское книжное издательство, 1977. – 269 с.
8. Михайловский Н. К. *Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки*. – 1874. – Т. 36, № 4. – С. 408.
9. Муратов А. Б. *О философских взглядах И. С. Тургенева* // *Zeszyty naukowe. Nauki humanistyczne, S. A., Z.* – III. – Siedlce, 1977. – S. 74–92.
10. Тиме Г. А. *Немецкая литературно-философская мысль XVIII–XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты)*. – München: Sagner, 1997. – 140 с.
11. Тиме Г. А. *Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков*. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 455 с. EDN: RUHIGV
12. *Тургенев: на перекрестке эпох и культур / Одесская М. М., Фурманн К., Куденис В. и др.; отв. ред. М. М. Одесская и др.* – М.: РГГУ, 2021. – 441 с. EDN: ASGJKZ
13. *Тургенев И. С. Два приятеля* // *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 321–379.
14. *Тургенев И. С. Дневник лишнего человека* // *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 166–216.
15. *Тургенев И. С. Петушков* // *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 124–165.
16. *Тургенев И. С. Постоялый двор* // *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 273–320.
17. *Тургенев И. С. Пунин и Бабурин* // *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1982. – Т. 9. – С. 7–59.
18. Турьян М. А. «Пунин и Бабурин» в ряду поздних произведений Тургенева // *Русская литература*. – 1965. – № 4. – С. 148–155.
19. Турьян М. А. *Комментарии: И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин* // *И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* – М.: Наука, 1982. – Т. 9. – С. 430–446.
20. *Философская этика и ее перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию ежегодника «Этическая мысль»: А. А. Гусейнов, А. В. Разин, А. И. Бродский, В. О. Лобовиков, Р. Г. Апресян, М. Л. Гельфонд)* // *Этическая мысль*. – М.: Институт философии РАН. – 2012. – Вып. 12. – 71 с. EDN: PUZTGI

Ekaterina A. Erokhina

The Role of the Finale in the Context of the Philosophical and Ethical Problems of the Novels by I. S. Turgenev

The article analyzes the finales (most often epilogues) some novels of I. S. Turgenev of the 1840-1870s in the context of philosophical and ethical problems, which were in the center of attention throughout the writer's creative path. Three categories are in the center: nature – faith – society. It is through this paradigm that the variants of the existence of Turgenev's heroes can be considered. The research of the character system of the writer's small prose allows us to distinguish two types of heroes: a harmonious natural personality and a painfully reflective hero. In the novels of this period it is the second type that is more often represented. Worldview of character and his ways of living life are important here. Turgenev shows several possible ways of being a human being: natural, religious and social. All three ways are reflected in the description of the final period of the hero's life as a certain outcome of his external (physical) and internal (moral) existence, the result of his life quest. The article attempts to analyze these paths using specific examples.

Key words: epilogue, function, finale, philosophical ethics, problems, novel, Turgenev.

For citation: Erokhina, E. A. (2023) Rol' finala v kontekste filozofsko-eticheskoj problematiki povestej I. S. Turgenjeva [The Role of the Finale in the Context of the Philosophical and Ethical Problems of the Novels of I. S. Turgenev]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 31-43. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_31. EDN: JRCJXA

References

1. Belyaeva, I. A. (2018) «Pomni moi poslednie tri slova»: k voprosu o strukture finalov v romanah Turgenjeva [«Remember my last three words»: on the issue of the structure of finals in Turgenev's novels]. *Filologicheskij klass – Philological class*. No. 3 (53). Pp. 25–32. EDN: YMRALJ (In Russian).
2. Gegel, G. V. F. (1975) *Filosofiya religii*. V 2-h t. [Philosophy of religion]. Vol. 1. Moscow: Thought Publ. EDN: SIOLQH (In Russian).
3. Gershenzon, M. O. (1919) *Mechta i mysl Turgenjeva* [Turgenev's dream and thought]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej Publ. (In Russian).
4. Golovko, V. M. (2018) *I. S. Turgenjev: iskusstvo hudozhestvennogo filosofstvovaniya* [I. S. Turgenev: the art of artistic philosophizing]. Moscow: Flinta Publ. EDN: OUQOYZ (In Russian).
5. Dubovikov, A. N., Dunaeva, E. N. (1980) *Kommentarii: I. S. Turgenjev. Petushkov* [Comments: I. S. Turgenev. Petushkov]. *Turgenjev I. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. P. 582. (In Russian).
6. Piksano, N. K. (1930) (ed.) *I. S. Turgenjev v vospominaniyah revolyucionerov semidesyatinikov* [I. S. Turgenev in the memoirs of the revolutionaries of the seventies]. ed. N. K. Piksanova. Moscow, Leningrad: Academia Publ. (In Russian).
7. Kurlyandskaya, G. B. (1977) *Struktura povesti i romana i s turgenjeva 1850-h godov* [The structure of the story and novel by I. S. Turgenev in the 1850s.]. Tula: Priokskoye Book Publishing House. (In Russian).
8. Mihajlovskij, N. K. (1874) *Literaturnye i zhurnalnye zametki* [Literary and journal notes]. *Otechestvennye zapiski – Domestic notes*. Vol. 36. No. 4. P. 408. (In Russian).
9. Muratov, A. B. (1977) *O filozofskih vzglyadah I. S. Turgenjeva* [On the philosophical views of I. S. Turgenev]. *Zeszyty naukowe. Nauki humanistyczne*, S. A., Z. III. Siedlce, Pp. 74–92. (In Russian).

10. Time, A. G. (1997) *Nemeckaya literaturno-filosofskaya mysl XVIII–XIX vekov v kontekste tvorchestva I. S. Turgeneva (geneticheskie i tipologicheskie aspekty)* [German literary and philosophical thought of the XVIII–XIX centuries in the context of the work of I. S. Turgenev (genetic and typological aspects)]. München: Sagner Publ. (In Russian).

11. Time, A. G. (2011) *Rossiya i germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the XIX–XX centuries]. St. Petersburg: Nestor-History Publ. EDN: RUHIGV (In Russian).

12. Odesskaya, M. M. (2021) (ed.) *Turgenev: na perekrestke ehpor i kultur* [Turgenev: at the crossroads of eras and cultures]. Odesskaya, M. M., Furmann K., Kudenis V. and etc. Moscow: RGGU Publ. EDN: ASGJKZ (In Russian).

13. Turgenev, I. S. (1980) Dva priyatelya [Two friends] *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes], Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 321–379. (In Russian).

14. Turgenev, I. S. (1980) Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a superfluous person] *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 166–216. (In Russian).

15. Turgenev, I. S. (1980) Petushkov [Petushkov]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 124–165. (In Russian).

16. Turgenev, I. S. (1980) Postoyaljy dvor [Coaching inn]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 273–320. (In Russian).

17. Turgenev, I. S. (1982) Punin and Baburin [Punin and Baburin]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9. Pp. 7–59. (In Russian).

18. Turyan, M. A. (1965) "Punin i Baburin" v ryadu pozdnykh proizvedenij Turgeneva ["Punin and Baburin" among the late works of Turgenev]. *Russkaja literatura – Russian literature*. No. 4. Pp. 148–155. (In Russian).

19. Turyan, M. A. (1982) Kommentarii: I. S. Turgenev. Punin and Baburin [Comments: I. S. Turgenev. Punin and Baburin]. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9. Pp. 430–446. (In Russian).

20. *Filosofskaya ehтика i ee perspektivy v sovremennom mire* (2012) [Philosophical ethics and its prospects in the modern world] (Kruglyj stol k 10-letiju ezhegodnika "Ehticheskaya mysl": A. A. Gusejnov, A. V. Razin, A. I. Brodskij, V. O. Lobovikov, R. G. Apresyan, M. L. Gelfond) [Round table on the 10th anniversary of the yearbook "Ethical Thought": A. A. Huseynov, A. V. Razin, A. I. Brodsky, V. O. Lobovikov, R. G. Apresyan, M. L. Gelfond]. *Eticheskaya mysl' – Ethical thought*. Vol. 12. Moscow: Institute of Philosophy RAN. EDN: PUZTGJ (In Russian).

дата получения: 25.06.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 25 June 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023